

Widening socioeconomic differences in mortality among men aged 65 years and older in Germany

by Eva U.B. Kibele, Domantas Jasilionis, Vladimir M. Shkolnikov

Journal of Epidemiology and Community Health. Vol. 67, pp. 453-457.

Расширение социально-экономических различий в смертности мужчин в возрасте 65 и старше в Германии

Введение

В конце XX века социально-экономические различия в смертности наблюдались как в Западной¹⁻³, так и в Восточной Европе⁴⁻⁶. При этом в Восточной Европе тенденция роста неравенства связывалась с радикальными рыночными реформами⁷.

В Германии проводилось сравнительно мало исследований неравенства перед лицом смерти. Недавние исследования выявили отрицательную связь между смертностью и материальным положением на германских данных⁸⁻¹². Только одна из этих работ включала сравнение дифференциальной смертности между Западной и Восточной частями Германии¹¹.

После объединения восточных и западных земель, на фоне значительных политических и экономических изменений, в Восточной Германии происходило быстрое снижение смертности. Тем не менее, важно понять, было ли улучшение здоровья одинаково доступным для всех групп населения или этот неравный прогресс приводит к увеличению неравенства в смертности. Равные возможности в области здравоохранения – важнейший критерий социальной справедливости, успеха или неудачи социально-экономической политики.

Цель рассматриваемой статьи – оценить тенденции изменения смертности пожилых мужчин в зависимости от их социально-экономического статуса (СЭС) и проживания в восточных или западных землях.

Данные

Данные о населении и числе смертей в зависимости от СЭС за 1995-2008 гг. получены из Федерального Пенсионного Фонда Германии (ФПФ)¹⁴. Пенсионная система Германской Демократической Республики (ГДР) отличалась от системы в Западной Германии, однако в настоящее время пенсии в обеих частях страны основываются на абсолютно одинаковом алгоритме, учитывающем стаж работы и размер годового дохода^{15,16}. При этом нужно иметь в виду, что в ГДР безработица была практически

нулевой, отсутствовала самозанятость, а государственные служащие входили в ту же пенсионную систему, что и другие категории работников. В Западной Германии структура рабочей силы и соответствующего ей пенсионного обеспечения отличается присутствием некоторой доли самозанятых и лиц, имеющих доходы от частного предпринимательства и банковского капитала, одновременно с отсутствием государственных служащих, пенсии которых формируются в другой пенсионной системе^{11,15}.

Данные ФПФ содержат информацию о 86% немецких мужчин в возрасте 65 и старше. Данные о женщинах были исключены из анализа в виду низкой занятости женщин в рассматриваемых поколениях. Кроме того, социально-экономический статус женщины, определенный на основе совокупного дохода всех членов домохозяйства, может быть значительно выше ее личного социально-экономического статуса. В анализ также не включены данные о мужчинах иммигрантах и мужчинах, не имеющих немецкого гражданства, из-за неполноты информации об их трудовой биографии^{11,15}.

Для описания СЭС были использованы две переменные характеристики: размер пенсии и характер труда в конце трудовой карьеры. Первая характеристика представляет собой сумму накопленных пенсионных баллов. Пенсионный баллы, накопленные за 1 год работы, представляет собой отношение личного годового дохода к среднему годовому доходу в данном году. За периоды учебы, безработицы или болезни присваиваются меньшие баллы, чем до наступления этих периодов^{11,15}.

Данные о накопленных пенсионных баллах были изначально разделены на пятибалльные категории. Лица с суммой баллов меньше 30 (17% от общего числа) состоят из двух групп: малоимущих и людей, низкие баллы которых связаны с тем, что они получали дополнительные доходы от индивидуальной трудовой деятельности, предпринимательской деятельности, банковского капитала и т.п. Эти дополнительные доходы не учитываются в системе пенсионного страхования^{11,17}, и, как следствие, не отражаются в доходе, который учитывается ФПФ. Эта неоднородная категория была исключена из анализа. Остальные пенсионеры были разделены на шесть групп по суммам пенсионных накоплений. Ранее проведенные исследования¹¹ показали, что деление на 6 широких групп лучше, чем традиционное разделение на децили, подходит для анализа неравенства в смертности.

До 2004 года пенсионеры были разделены на три группы в зависимости от характера труда. Классификация включала три группы: служащие, рабочие и работники горнодобывающей промышленности (менее 10% пенсионеров). Начиная с 2005 года, это разделение было ликвидировано, и данные о характере предыдущей работы пенсионеров стали недоступны.

Полученные данные представляли собой абсолютные числа смертей и численность населения, разделенные согласно пенсионным баллам, характеру труда, календарным периодам и 5-летним возрастным группам (65-69, 70-74, ..., 100+) и проживанию в Западной или Восточной Германии.

Рассматривалось семь временных периодов: 1995-1996 гг. - 6.32 млн. человеко-лет и 0.39 млн. смертей; 1997-1998 гг. - 6.37 млн. человеко-лет и 0.39 млн. смертей; 1999-2000 гг. - 6.68 млн. человеко-лет и 0.39 млн. смертей; 2001-2002 гг. - 7.33 млн. человеко-лет и 0.4 млн. смертей; 2003-2004 гг. - 8.12 млн. человеко-лет и 0.42 млн. смертей; 2005-2006 гг. - 8.89 млн. человеко-лет и 0.42 млн. смертей; 2007-2008 гг. - 9.4 млн. человеко-лет и 0.44 млн. смертей. Для измерения уровня смертности использованы два показателя: стандартизованные по возрасту коэффициенты смертности (СКС) (европейский стандарт ВОЗ 1976 года) и ожидаемая продолжительность жизни (ОПЖ) в возрасте 65 лет. Оценка социально-экономических различий в смертности сделана на основе сравнения смертности между двумя крайними группами по пенсионным баллам и двух профессиональных групп. В отношении пенсионных баллов группа с суммой баллов от 30 до 39 (включая 14,5% пенсионеров) сравнивается с группой с суммой баллов 65 и выше (14,3% пенсионеров). В плане профессии рабочие сравниваются со служащими. В течение всего периода наблюдения, группы с низким СЭС имеют самый высокий уровень смертности, а группы с высоким СЭС - самый низкий, рабочие имеют более высокий уровень смертности по сравнению со служащими

Результаты

Абсолютные и относительные различия по уровню пенсии по СКС и ОПЖ мужчин в возрасте 65 лет увеличивались со временем, и это увеличение было более значительным в Восточной Германии. В середине 1990-х, различия в смертности по уровню пенсии в Восточной и Западной Германии были примерно одинаковыми, с течением времени они расширялись, причем в Восточной Германии это расширение происходило быстрее. В 2000-е годы скорости расширения стали выравниваться (табл. 1). Наиболее значительно снизилась смертность пенсионеров с высокими доходами в Восточной Германии (табл. 2). В результате чего в 2007-2008 гг. различия в смертности между пенсионерами с высокими и низкими доходами были значительно более выражены в Восточной Германии (табл.1).

В течение всего рассматриваемого периода времени различия в смертности между рабочими и служащими были меньше, чем различия в смертности между пенсионерами в крайних доходных группах. Профессиональные различия в смертности были менее ярко выражены в Восточной Германии. В 1995-1996 и 1997-1998 гг. профессиональные

различия в смертности увеличивались в обеих частях Германии, и в последующие годы остались на достигнутом высоком уровне (табл.1).

В группах пенсионеров с высоким социально-экономическим статусом не только наблюдается самый низкий уровень смертности, но и снижение смертности в этой группе наиболее значительно среди всех групп пенсионеров (табл. 2).

Таблица 1. Абсолютные и относительные различия СКС на 100 000 и ожидаемой продолжительности жизни в возрасте 65 лет (в годах) между низшей и высшей группами пенсионеров по социально-экономическому статусу.

	СКС							Продолжительность жизни в возрасте 65 лет						
	1995-1996	1997-1998	1999-2000	2001-2002	2003-2004	2005-2006	2007-2008	1995-1996	1997-1998	1999-2000	2001-2002	2003-2004	2005-2006	2007-2008
Между крайними группами по количеству пенсионных баллов														
<i>Западная Германия</i>														
Абсолютные	246	316	333	318	324	311	307	3.3	4.0	4.3	4.4	4.5	4.6	4.8
Относительные	1.45	1.60	1.65	1.65	1.68	1.76	1.76	1.23	1.30	1.32	1.31	1.32	1.32	1.32
<i>Восточная Германия</i>														
Абсолютные	302	344	366	427	413	404	402	3.5	4.2	4.6	5.5	5.3	5.4	5.6
Относительные	1.48	1.61	1.73	1.95	1.89	1.98	2.07	1.28	1.33	1.35	1.42	1.40	1.39	1.39
<i>Западная и Восточная Германия</i>														
Абсолютные	249	314	337	338	339	329	323	3.2	4.0	4.3	4.6	4.7	4.8	4.9
Относительные	1.44	1.58	1.66	1.70	1.71	1.76	1.82	1.23	1.30	1.32	1.33	1.33	1.33	1.33
Между рабочими и служащими														
<i>Западная Германия</i>														
Абсолютные	144	279	299	268	224	-	-	1.6	2.9	3.0	2.9	2.7	-	-
Относительные	1.23	1.48	1.53	1.50	1.43	-	-	1.11	1.21	1.22	1.20	1.18	-	-
<i>Восточная Германия</i>														
Абсолютные	105	155	161	180	170	-	-	1.2	1.8	2.1	2.4	2.3	-	-
Относительные	1.15	1.24	1.27	1.32	1.30	-	-	1.09	1.13	1.14	1.16	1.15	-	-
<i>Западная и Восточная Германия</i>														
Абсолютные	135	254	272	251	215	-	-	1.5	2.7	2.8	2.8	2.6	-	-
Относительные	1.21	1.43	1.48	1.47	1.40	-	-	1.11	1.20	1.20	1.19	1.17	-	-

Примечание: Абсолютное различие = максимум – минимум; относительное различие = максимум/минимум.

Таблица 2. Абсолютные и относительные изменения СКС (на 100 000) и продолжительности жизни в возрасте 65 лет и старше по сумме пенсионных баллов (с 1995-1996 до 2007-2008) и типу бывшей профессии (с 1995-2006 до 2003-2004).

	Сумма пенсионных баллов	СКС на 100 000				Ожидаемая продолжительность жизни в 65 лет			
		1995-1996	2007-2008	Абсолютное изменение	Относительное изменение	1995-1996	2007-2008	Абсолютное изменение	Относительное изменение
Западная Германия	30-39	792	710	-82	-10	13.9	14.9	1.0	7
Восточная Германия	30-39	927	776	-151	-16	12.6	14.3	1.6	13
Западная и Восточная Германия	30-39	813	720	-93	-11	13.7	14.8	1.1	8
	65+	546	404	-143	-26	17.2	19.6	2.5	14
	65+	626	374	-251	-40	16.1	19.9	3.8	23
	65+	564	396	-168	-30	16.9	19.7	2.8	17
	Профессиональная группа	1995-1996	2007-2008	Абсолютное изменение	Относительное изменение	1995-1996	2007-2008	Абсолютное изменение	Относительное изменение
Западная Германия	Рабочие	764	752	-12	-2	14.4	14.9	0.5	4
	Служащие	620	528	-92	-15	16.0	17.6	1.6	10
Восточная Германия	Рабочие	825	740	-86	-10	13.7	14.8	1.1	8
	Служащие	720	569	-151	-21	14.9	17.1	2.2	15
Западная и Восточная Германия	Рабочие	775	751	-25	-3	14.2	14.9	0.6	5
	Служащие	641	536	-105	-16	15.8	17.5	1.7	11

Примечание: могут присутствовать различия из-за ошибок округления; абсолютное изменение = значение (последний временной период) – значение (первый временной период); относительное изменение = (значение (последний временной период)/значение (первый временной период)-1)*100

Дискуссия

Представленные выше результаты говорят об увеличивающихся различиях в смертности у пожилых мужчин в зависимости от социально-экономического статуса, как в Восточной, так и в Западной Германии. Неравенство в смертности значительно возросло по сравнению с 1990-ми годами, и оставалось высоким в 2000-х²¹. Наибольший рост различий пришелся на середину 1990-х годов. В последующие годы вплоть до 2001-2002 гг. систематический рост различий в смертности между крайними группами наблюдался только в Восточной Германии.

Использование данных из административной базы данных Федерального пенсионного фонда Германии имеет ряд ограничений^{11,15,17}. Во-первых, база данных ограничена данными только о немецких пенсионерах-мужчинах. То, что данные об иностранцах были исключены, могло привести в некоторой переоценке смертности лиц с низким социально-экономическим статусом в силу факторов селективности миграции: приезжающие мигранты обладают хорошим здоровьем, а ухудшение здоровья ведет к возвратной миграции^{18,19}.

Во-вторых, отсутствуют данные о государственных служащих и самозанятых, смертность которых относительно низка. Исключив группу с суммой баллов менее 30, мы могли исключить из анализа пенсионеров с очень высокой и с очень низкой смертностью, поэтому различия в смертности и рост этих различий между крайними социально-экономическими группами могут быть несколько занижены. Вместе с тем, не вошедшие в анализ группы пенсионеров малочисленны, и скорее всего не окажут значительного влияния на результаты.

Кроме того, показатели ОПЖ и смертности мужчин 65 лет и старше, включенных в анализ, почти такие же, как смертность в этом возрасте по данным официальной статистики, то есть смещение данных по сравнению с генеральной совокупностью очень мало.

В-третьих, используемые для анализа профессиональные группы – слишком широки и не дают представления о всей профессиональной иерархии, что приводит к недооценке различий в смертности. Наконец, суммы пенсионных накоплений могут отражать не весь реальный доход и имущественное расслоение среди части пенсионеров. Это особенно касается некоторых западногерманских пенсионеров, формально входящих в группу с низким социально-экономическим статусом, которые получают значительные дополнительные доходы.

Приведенные выше результаты проливают свет на тенденции изменения социально-экономических различий в смертности как в Европе в целом, так и в Восточной

и Западной частях Европы¹⁻⁷. Выявленные профессиональные различия в смертности, в целом, сопоставимы с различиями в смертности между группами лиц с низким и высоким образованием, выявленными Майером с соавт.²⁰. Однако, в Германии, различия в смертности в зависимости от дохода значительно выше различий в зависимости от уровня образования.

Полученные результаты показывают, что экономический рост после воссоединения Восточной и Западной Германии более всего способствовал улучшению здоровья более обеспеченной части пожилых жителей Восточной Германии, что привело к сближению уровней смертности между Востоком и Западом.

Вывод о том, что социально-экономические различия в смертности пенсионеров, увеличивавшиеся в середине 1990-х, все еще остаются на достигнутом высоком уровне, особенно в Восточной части Германии, вызывает тревогу. Данное исследование показало, что проводимая после воссоединения земель социально-экономическая политика не обеспечивает равного улучшения здоровья для всех социально-экономических групп. Сохраняющийся и увеличивающийся разрыв в уровне здоровья говорит о необходимости программ по укреплению здоровья населения, как в части доступности медицинской помощи, так и путем воздействия на факторы здоровья вне системы здравоохранения¹³. Несомненно, данное исследование не может заменить детальные эпидемиологические исследования, которые необходимы, чтобы выявить конкретные факторы, влияющие на смертность и продолжительность жизни в различных социально-экономических группах.

Список литературы

1. Mackenbach J.P., Bos V., Andersen O., et al. Widening socioeconomic inequalities in mortality in six Western European countries. *Int J Epidemiol* 2003;32:830–7.
2. Kunst A.E., Bos V., Santana P., et al. Monitoring of trends in socioeconomic inequalities in mortality. Experiences from a European project. *Demogr Res* 2004; Special Collection 2:229–54.
3. Shkolnikov V.M., Andreev E.M., Jdanov D.A., et al. Increasing absolute mortality disparities by education in Finland, Norway and Sweden, 1971–2000. *J Epidemiol Community Health* 2012; 66: 372–8.
4. Shkolnikov V.M., Andreev E.M., Jasilionis D., et al. The changing relation between education and life expectancy in central and eastern Europe in the 1990s. *J Epidemiol Community Health* 2006; 60: 875–81.
5. Jasilionis D., Jdanov D., Leinsalu M. Der Zusammenhang von Bildung und Lebenserwartung in Mittel- und Osteuropa (Education and mortality in Central and Eastern Europe). Max Planck Society, Annual Report 2007, 2007:103–8 <http://www.mpg.de/455042/forschungsSchwerpunkt> (accessed 29 May 2012).
6. Leinsalu M., Stirbu I., Vågerö D.V., et al. Educational inequalities in mortality in four Eastern European countries: divergence in trends during the post-communist transition from 1990 to 2000. *Int J Epidemiol* 2009; 38:512–25.
7. Beckfield J., Krieger N. Epidemocracy: linking political systems and priorities to the magnitude of health inequities—evidence, gaps, and a research agenda. *Epidemiol Rev* 2009; 31:152–77.
8. Lampert T., Kroll L.E. Einkommensdifferenzen in der Gesundheit und Lebenserwartung-Quer- und Längsschnitbefunde des Sozio-oekonomischen Panels (SOEP) [Income differences in health and

- life expectancy—cross-sectional and longitudinal findings of the German Socio-Economic Panel Study]. *Gesundheitswesen* 2006; 68: 219–30.
9. Reil-Held A. Einkommen und Sterblichkeit in Deutschland: Leben Reiche länger? [Income and mortality in Germany: do the rich live longer?]. *Beiträge zur angewandten Wirtschaftsforschung*, Universität Mannheim, 2000; 580.
  10. Lauterbach K., Lungen M., Stollenwerk B., et al. Zum Zusammenhang zwischen Einkommen und Lebenserwartung [On the relationship between income and life expectancy]. *Studien zu Gesundheit, Medizin und Gesellschaft*; Köln, 2006, Ausgabe 01/2006 vom 25.02.2006.
  11. Shkolnikov V.M., Scholz R., Jdanov D.A., et al. Length of life and the pensions of five million retired German men. *Eur J Public Health* 2008; 18:264–9.
  12. Helmert U. The impact of occupation and family status on overall mortality in a cohort of male members of a health insurance fund in Germany. *J Public Health* 2005; 13: 138–43.
  13. Marmot M., Allen J., Goldblatt P., et al. *Fair society, healthy lives: Strategic review of health inequalities in England post-2010*. London: The Marmot Review 2010
  14. FDZ-RV, German Federal Pension Fund. Dataset FDZ-RV - SUFRTBNRTWF93-08TDemoKibele, Rentenwegfall/-bestand 1993–2008 [Pension stocks and deceases 1993–2008], 2011.
  15. Von Gaudecker H.-M., Scholz R.D. Differential mortality by lifetime earnings in Germany. *Demogr Res* 2007; 17:83–103.
  16. Rürup B. The German pension system: status Quo and Reform options. In: Feldstein M, Siebert H, eds. *Social security pension reform in Europe*. Chicago, USA: University of Chicago Press, 2002:137–67.
  17. Wolfson M., Rowe G., Gentleman J.F., et al. Career earnings and death: a longitudinal analysis of older Canadian men. *J Gerontol* 1993; 48:S167–79.
  18. McMichael A.J. Standardized mortality ratios and the ‘healthy worker effect’: scratching beneath the surface. *J Occup Med* 1976; 18:165–8.
  19. Razum O., Zeeb H., Akgün H.S., et al. Low overall mortality of Turkish residents in Germany persists and extends into a second generation: merely a healthy migrant effect? *Trop Med Int Health* 1998; 3:297–303.
  20. Majer I.M., Nusselder W.J., Mackenbach J.P., et al. Socioeconomic inequalities in life and health expectancies around official retirement age in 10 Western-European countries. *J Epidemiol Community Health* 2011; 65:972–9.
  21. Moser K., Shkolnikov V., Leon D.A. World mortality 1950-2000: divergence replaces convergence from the late 1980s. *B Word Health Organ* 2005; 83:202–9.